

```

body { text-align : justify } p.book {text-indent: 30px; margin-bottom: 0pt; margin-top: 0pt; text-align : justify; }
h1.book { font-size : 160%; font-style : normal; font-weight : bold; text-align : right; } /* Book title */ h1.title{
font-size : 160%; font-style : normal; font-weight : bold; text-align : right; } /* Book title */ h3.book { font-size :
150%; font-style : normal; font-weight : bold; text-align : center; padding-top : 12px; padding-bottom : 3px; } /*
Title */ h3.title{ font-size : 150%; font-style : normal; font-weight : bold; text-align : center; padding-top : 12px;
padding-bottom : 3px; } /* Title */ h5.book { font-size : 110%; font-weight : bold; text-align : center; padding-top :
9px; } /* SubTitle */ h5.subtitle{ font-size : 110%; font-weight : bold; text-align : center; padding-top : 9px; } /*
SubTitle */ blockquote { margin : 0.2em 4em 0.2em 4em } div.book { text-align : left } div.poem { margin-right :
25%; margin-left : 33%; margin-bottom : 0.8em; margin-top : 0.8em; } div.stanza { margin: 0.8em 0 }
blockquote.cite { margin-bottom : 0.2em; margin-top : 0.2em; } blockquote.epigraph {margin-right : 5em; margin-
left : 50%;} blockquote.text-author { text-align : right; margin-right : 10%; margin-bottom : 0.3em; }

```

О причинах возникновения крепостничества в России

Как известно, крепостничество в России существовало в течение многих столетий, составляя одну из коренных особенностей русского феодализма. Поэтому причины возникновения крепостничества, скорее всего, следует искать не столько в рамках тех или иных конкретно-исторических ситуаций (хотя их роль несомненна), сколько в факторах наиболее фундаментального характера, связанных с особенностями становления и развития феодальных отношений, в частности феодальной земельной собственности и феодального хозяйства.

Формирование классового общества в Восточной Европе проходило под существенным воздействием специфичных природно-климатических условий, следствием чего явилось многовековое существование в России общины маркового типа. Основной причиной жизнеспособности русской общины была ее несравненно более важная, чем в Западной Европе, роль в организации земледельческого производства. Именно в этом кроются ее большая внутренняя прочность и влияние.

В земледельческой общине маркового типа хозяйственные угодья (прежде всего пашня) первоначально были выделены общиной каждому крестьянскому хозяйству как надел, т. е. земля находилась лишь во владении крестьянина, срок которого мог быть либо ограниченным, либо безграничным.

Древнерусской общине в раннефеодальный период, а также в значительной мере в период развитого феодализма были присущи свои особенности. Небольшая плотность населения, усугубленная обширностью земельных просторов, обусловила вплоть до XIV-XV вв. преобладание малодворных деревень, где землепользование вполне еще обходилось без чересполосной организации полей, а следовательно, без земельных переделов. Вместе с тем в раннефеодальный период и даже позже в земледелии был сравнительно низкий уровень производительных сил, и гарантией успеха земледельца было одно лишь естественное плодородие почвы и благоприятные биоклиматические условия. Большая часть территории Древнерусского государства отличалась невысоким плодородием почв, а условия континентального климата восточноевропейских равнин были отнюдь не благоприятными. Это систематически вело к негативным последствиям, которые, помимо нестабильности урожаев, проявлялись либо в форме сильного засорения полей, либо быстрого их истощения. При общем довольно низком уровне урожайности естественным и единственным реальным компенсационным актом была частая, если не регулярная смена участков пахотной земли. Отсюда вытекала необходимость постоянного подъема новой пашни, использования залежей и перелогов. Практика такого рода, видимо, на целые столетия отодвинула в древнерусском земледелии общинные земельные переделы, точнее, эквивалентом этих переделов была естественная нивелировка качества участков пахоты при выборе общинниками новых земель.

Постоянный подъем целины или перелогов сохранялся и при паровой системе земледелия. Подъем целины или залежи или сведение леса были тяжелым и трудоемким видом сельскохозяйственного производства и требовали объединенных усилий нескольких хозяйств, а то и всей общины, т.е. кооперации ¹.

Чрезвычайно важно отметить, что такие трудоемкие работы, как расчистка леса, лесных порослей, кустарников, должны были выполняться в максимально сжатые сроки ввиду необычайно напряженного бюджета рабочего времени земледельца Европейской России. В силу природно-географических условий

этого региона так называемый рабочий период земледелия был существенно короче, чем у земледельца Западной Европы. Русский крестьянин не мог себе позволить длительное, растянутое на годы освоение целины или лесной поросли, как бывало много позже при несравненно более высоком уровне агрикультуры, в частности в XVIII в. Это и диктовало целесообразность применения большой массы труда в ограниченный промежуток времени.

Таким образом, несмотря на то, что почти весь цикл земледельческих работ был объектом индивидуального, парцелльного труда крестьянского двора или малой семьи, ключевые моменты этого цикла (например, подъем целины) были связаны с производственными усилиями, по крайней мере, нескольких хозяйств.

Вероятнее всего, именно эти факторы, обусловленные прежде всего природно-географической спецификой, и объясняют жизнестойкость древнерусской общины, просуществовавшей многие столетия (отнюдь не только в силу одной лишь социальной традиции).

Сравнительно большая производственная роль древнерусской общины, в отличие от германского варианта марки, давала лишь простор развитию имущественной дифференциации, основывающейся главным образом на накоплении движимого имущества. Пауперизация, вероятно, была вызвана сравнительно низким уровнем развития производительных сил в сельском хозяйстве, а также в земледелии, когда крестьянское хозяйство могло погибнуть в силу множества факторов, в частности от неблагоприятных проявлений природной стихии. Размах пауперизации сдерживался силами той же общины, а пауперизированный контингент поглощался другим мощным процессом, а именно общественным разделением труда, отделением промышленности от земледелия и т.д. В Древней Руси вследствие этих причин аллод как исторически значимое явление не состоялся.

Процессы классового образования в древнерусском раннефеодальном обществе характеризовались по преимуществу не разложением общины, а развитием господствующего класса, опосредованным через рычаги государственного аппарата (например, в лице дружинного компонента), поскольку государственность в Древней Руси, по всей вероятности, развивалась как внутренняя потребность жизнедеятельности «нации», т.е. совокупности восточнославянских племен в период завершения разложения первобытнообщинного строя ².

Эволюция господствующего класса древнерусского общества – это трансформация «слуг народа» в корпорацию господ над народом ³, процесс необычайно медленный, занимавший многовековой период. По гипотезе академика Б.А. Рыбакова, элементы государственности в Среднем Поднепровье, на территории будущего ядра Киевского государства, могли возникнуть примерно в VI в. ⁴ Лишь в завершающей фазе этот процесс был осложнен и ускорен волнами завоеваний соседних союзов племен и государственных образований, шедшими из исторического ядра Киевского государства.

В силу этого и феодальная эксплуатация в Древней Руси зародилась как эксплуатация земледельцев-общинников прежде всего государством. Наиболее ярким выражением этого было полюдь ⁵, практика которого к X в., вероятно, имела уже давнюю традицию.

Важнейшим следствием названных процессов стал феномен очень сильной государственной власти, а отсюда – и весьма раннее обладание атрибутом верховной собственности на землю в пределах государственной территории. Личная зависимость крестьян-общинников в тот период проявлялась лишь в актах перераспределения земельных пространств вместе с населением из рук государства в руки тех или иных представителей господствующего класса.

Верховная собственность на землю находила свое реальное воплощение прежде всего в отчуждении определенной части совокупного прибавочного продукта общинного крестьянства, что постепенно закреплялось обычно-правовыми традициями (и в этом, на наш взгляд, одно из отличий централизованного взимания ренты от взимания дани). Вместе с тем обычно-правовые отношения отражали и пределы господства класса эксплуататоров, опосредованного господством государственной власти. Это проявлялось, в частности, в том, что, получая феодальную ренту, государственная власть практически оставляла (была вынуждена оставлять) в руках общин всю полноту прав фактического владения

(обладания) всеми земельными угодьями. Отсюда понятно, что единственно возможной формой феодальной ренты была рента-налог, или централизованная рента. Ее реальным выражением, как и всюду в раннефеодальных государствах, была валютно-денежная форма, в качестве же специфических древнерусских форм централизованной ренты выступали валютно-натуральные формы (меха и т.п.).

Таким образом, на этой стадии развития реализовывался лишь формационно необходимый минимум компонентов феодальных производственных отношений. Видимо, поэтому данная фаза обычно квалифицируется в историографии как раннефеодальная.

Как известно, фундаментальным признаком феодальных отношений являются рентные отношения. К. Маркс писал в свое время, что в эпоху феодализма «земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда»⁶. Причем непосредственный производитель доставляет земельную ренту «собственнику того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, т.е. собственнику земли». Происходит это только в силу того, как подчеркивает Маркс, что земля и «только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике»⁷. Из этого тезиса можно вывести весьма важный критерий наиболее развитой стадии феодальных отношений. Эта стадия становится действительностью лишь тогда, когда, с точки зрения социальной, земля, на которой трудится непосредственный производитель, в его сознании «обособляется по отношению к нему». Больше того, это обособление олицетворено «персоной земельного собственника». Иначе говоря, в глазах непосредственного производителя земля уже олицетворяется фигурой феодала-собственника, т.е. стала условием труда, обособившимся по отношению к нему самому.

На наш взгляд, конкретно-исторически эта стадия превращается в реальность с того момента, когда земельный собственник обладает практической возможностью извлекать ренту в любой форме: отработочной, продуктовой или денежной. Подчеркнем, что речь идет о развитой стадии феодальных отношений. В исторической действительности тех или иных государств или регионов в большинстве случаев преобладает практика одновременного применения всех форм ренты. Тенденция последовательной смены докапиталистических форм ренты (низших, какой была барщина, высшими – в виде денежной ренты) выступает преимущественно лишь как тенденция к преобладанию той или иной формы ренты над остальными в общем объеме совокупного прибавочного продукта.

Впрочем, марксова схема смены форм докапиталистической ренты, как известно, есть лишь логико-историческая последовательность смены форм – от примитивной барщины к продуктовой ренте с последующим превращением ее в денежную как высшую форму ренты, ставшую одновременно и формой ее разложения.

В частности, на стадии разложения феодальных отношений практически могут господствовать разные виды чистых форм ренты, что в наибольшей мере зависело прежде всего от той роли, которую экономика той или иной страны играет в складывающейся мировой системе общественного разделения труда. В странах с развитой промышленностью и торговлей, занимавших в эпоху разложения феодализма господствующее положение на мировом рынке, это могла быть денежная рента в чистом виде (например, Англия). А в феодальных странах, оказавшихся в положении аграрных придатков в системе зарождающегося мирового капиталистического рынка, это могла быть чистая барщина (например, страны так называемого «второго издания» крепостного права) и т.д.⁸

На стадии становления и развития феодализма превалирование той или иной формы ренты в совокупном прибавочном продукте, охватывающем все формы ренты, было продиктовано также чисто конкретно-историческими обстоятельствами. Чаще всего преобладала в долевом отношении продуктовая форма ренты. К. Маркс и Ф. Энгельс особо оговаривали невозможность в период зарождения и становления феодальных отношений существования барщины в чистом виде⁹. Ф. Энгельс прямо подчеркивал: «Как мало было возможности навязать такому обществу крупное хозяйство с барщинным трудом, доказывают... эксперименты Карла Великого с знаменитыми императорскими виллами»¹⁰. Причина неуспеха кроется, видимо, прежде всего в низком уровне развития производительных сил. Чистая сельскохозяйственная

барщина (особенно полевая), как это ни странно, была возможна лишь при относительно высоком уровне общественного разделения труда, поскольку она неизбежно приобретает товарный, а не натуральный характер. Барщина же в натуральном хозяйстве непременно сочетается с другими формами ренты (продуктовой и денежной).

Определенную роль в выдвигании на первый план той или иной формы ренты может сыграть способ ее изъятия и способ распределения прибавочного продукта в господствующем классе. Здесь имеются в виду различного рода централизованные формы изъятия и распределения ренты, что обычно выдвигает на первый план продуктовую, а в период позднего феодализма – денежную форму ренты. Генезис самой примитивной, но отнюдь не земледельческой барщины также связан с централизованными формами изъятия ренты. Об этом писал К. Маркс, считая, что уже на заре классового общества необходимые родовой общине работы по строительству дорог, мостов, храмов и т.п. были по своей потенциальной сути разновидностью барщинного труда – будущей отработочной рентой.

Специфичность древнерусского феодализма заключается в отсутствии полевой барщины как исторически значимого явления. Причем речь не идет о барщине как преобладающей доле совокупной ренты. Вплоть до XVI в. крестьяне-земледельцы почти не знали полевой барщины. Для выяснения этого феномена необходимо вкратце охарактеризовать некоторые специфические моменты эволюции феодальной земельной собственности.

В Древнерусском государстве становление государственного феодализма довольно рано дало импульс развитию частновотчинного владения. Но боярское землевладение в силу вышеназванных особенностей генезиса древнерусского феодализма развивалось не за счет захвата общинных земель путем внедрения в крестьянскую общину на основе скупки аллодов, а за счет интенсивной (как и во Франкском королевстве) раздачи земель вассалам князей, а также активизации системы служебных ленов и их дальнейшей трансформации в вотчинные владения различных рангов. Поэтому феодальные отношения внутри таких вотчин проявлялись в подчинении общины *in corpore* путем постепенной феодализации («окняжения», по выражению академика Л.В. Черепнина), в данном случае – «обояривания»¹¹ общинных земель через развитие рентных отношений. Сами рентные отношения на уровне вотчины, разумеется, не могли иметь прежнюю форму налога-ренты в ее валютном проявлении (как было на уровне государства). Тем не менее преемственность была, и выразилась она в продуктовой ренте, как явно преобладающей форме.

Естественно, что продуктовая рента как главный компонент прибавочного продукта, идущего в руки феодалов, сохранялась не во имя этой преемственности. Дело, видимо, в том, что ранние формы государственного феодализма в Древней Руси исключали наиболее грубое внеэкономическое принуждение крестьянского земледельческого населения; это была лишь «личная несвобода в какой бы то ни было степени»¹². Как писал К. Маркс, «при таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству»¹³. Разумеется, речь идет здесь только об основном населении – о крестьянах-земледельцах.

Кроме того, хотя по сути рентных отношений номинальному собственнику земли каждый непосредственный производитель противостоял самостоятельно¹⁴, феодал-вотчинник, как до него – княжеская власть, имел дело в социальной практике прежде всего с общиной *in corpore*, что, видимо, в условиях Древней Руси, только повышало самостоятельность крестьянского хозяйства. Вотчиннику противостоял крестьянин, за спиной которого была сплоченная община, осколок первобытного коммунизма.

Это не мешало, впрочем, становлению самих феодальных отношений. Они, в частности в лице вотчинного землевладения, уже на ранней стадии своего развития получают ярко выраженную целостную определенность. Юридически, а главное – практически, феодал обладал всеми правами земельного собственника, вплоть до права отчуждения земель вместе с их населением. Но даже при очевидном господстве отношений феодальной зависимости переход к наиболее грубой форме эксплуатации крестьян

ввиду всех взятых в совокупности обстоятельств был делом далеко не простым. Крестьянин-общинник в это время еще не воспринимал феодала-вотчинника как «олицетворение собственника земли», которую он пахал. Таким образом, господство продуктовой ренты обусловлено было отнюдь не тем, что отработочная рента была социально и экономически изжита.

На Руси наблюдается почти исключительное развитие продуктовой ренты, в то время как реальные условия для укрепления феодальной собственности на землю, как экономические, так и социальные, постоянно обнаруживали потребность прежде всего в отработочной ренте, не исключая и чисто практическую потребность в получении продукции лучшего качества, чем продукция крестьянского хозяйства.

Немногочисленные, но все же весьма убедительные факты свидетельствуют, что эта потребность (прежде всего в господской барской запашке) в Древней Руси все же удовлетворялась.

Подчеркнем, что, как правило, барская пашня обрабатывалась холопами, а не крестьянами-общинниками. Иначе говоря, господствующий класс феодальной Руси удовлетворял свои нужды в собственной пашне, во-первых, минуя крестьянский мир и неизбежные в этом случае сложности общинного землеустройства, и, во-вторых, компенсируя неизбежный дефицит рабочего времени крестьянина холопьем земледельческим трудом, т.е. трудом пауперизированных элементов и пленников.

Общеизвестно, что отработочная рента с точки зрения политэкономической является наиболее примитивным и грубым способом изъятия прибавочного продукта у непосредственного производителя. В Древней Руси вплоть до начала XVI в. господствующий класс при получении ренты в форме натуральных оброков имел дело прежде всего с мирской организацией общины, а не с личностью каждого крестьянина. Поскольку община как средство классового сопротивления и локальной сплоченности крестьян была неискоренима в силу прежде всего экономических условий, реализация укрепления личной зависимости крестьян была всегда желанной целью для господствующего класса. Социальное противостояние (не политэкономическое!) феодала-вотчинника общине *in corpore* не придавало производственным отношениям земельного собственника и непосредственного производителя нужной прочности (гарантии) внеэкономического принуждения, поскольку феодал в социальной практике должен был постоянно чувствовать сплоченность крестьянского мира. На Западе эта проблема на разных этапах решалась либо объективно-исторически (путем естественного, а стало быть, более или менее замедленного разложения общины), либо субъективно-исторически (путем разгрома общины). На Руси одним из возможных практических решений подобной задачи стало внедрение отработочной ренты, независимо от ее размера неизбежно ставящей крестьянина-общинника в условия самой грубой формы внеэкономического принуждения.

Специфичность развития феодальных отношений в условиях существования общины маркового типа наиболее ярко, хотя и опосредованно, проявилась в XIV-XV вв., а отчасти и в первой половине XVI в. в системе сельского расселения. Исследователь истории сельского расселения до XVII столетия А.Я. Дегтярев пришел к выводу о полном господстве в Русском государстве вплоть до конца XVI в. мелких одно и двухдворных поселений. По обработанным А. Я. Дегтяревым данным, по 17 149 поселениям в Северо-Западной Руси было 70,6% одно и двухдворных поселений. Видимо, вплоть до конца XV в. этот тип сельского расселения был характерен и для центра страны. Однако уже с конца XV в. в центральных районах эта система сельского расселения постепенно сменяется другой, с преобладанием более крупного поселения (шесть дворов и более) ¹⁶.

Причиной господства самых мелких поселений А.Я. Дегтярев считает главным образом политику класса феодалов и феодального государства, выразившуюся в массовом распространении в XIV-XV вв. налоговых льгот для новопоселенцев, сажающихся на новые, некультуренные земли. Освобождение от различной рода государственных налогов и повинностей, а также повинностей и платежей в пользу феодала-землевладельца достигало пяти – десяти лет, а в отдельных случаях и более длительного срока. Это служило сильнейшим стимулом для заведения новых поселений. Такой ход рассуждений автора представляется в целом вполне убедительным.

Следует отметить, что социально-экономические факторы, в частности политика льгот, непосредственно стимулировали лишь сам процесс расселения, процесс возникновения все новых и новых поселений, но

отнодь не определяли их размеры. «Льготчику», а отчасти и землевладельцу в принципе было безразлично будет ли новое поселение одно-двухдворным или четырех-пяти дворным. А.Я. Дегтярев здесь несколько недооценил природно географический фактор, воздействующий на тип поселения, хотя приводит в своей работе довольно убедительный материал, доказывающий весьма существенное влияние качества почв на размер поселений ¹⁷. Заметим, что природно-географические условия, вероятно, уже в XIV-XV вв. в принципе допускали сосуществование разных типов поселений.

В исследовании А.Я. Дегтярева важнейшим для нас является не столько наблюдение о господствующем типе поселения, сколько убедительные факты о стремительности роста новых поселений. Тип расселения на Руси свидетельствует о постоянном мощном форсировании этого процесса (поселения заводились при первой же возможности, а потому и были только мельчайшими). Нарастание лавины новых поселений служит самым твердым обоснованием именно этой особенности.

Отсюда, на наш взгляд, можно сделать заключение, что политика массового насаждения новых льготных поселений была конкретно-исторической формой проявления процесса укрепления феодальной собственности на землю в условиях существования крестьянской общины. Данная форма, на наш взгляд, равно ценна по своей объективно-исторической сути существенно значимому в основных западноевропейских странах варианту развития и укрепления феодальной земельной собственности путем разложения общины и превращения аллода в конечном счете в крупную земельную собственность. По словам Энгельса, именно на основе аллода возник феодальный общественный и государственный строй с господством феодальной аристократии ¹⁸. Разница состоит в том, что если в Западной Европе этот процесс протекал на стадии вызревания феодализма как способа производства и общественного строя, то на Руси – уже в период укрепления и развития феодализма.

Само укрепление и развитие феодальной земельной собственности в условиях неизбежного сохранения крестьянской общины было чрезвычайно сложным и многогранным процессом. Одним из средств такого укрепления было превращение исконного общинного крестьянского населения в «новоприходцев», савившихся на чужую землю, на землю феодала. При этом крестьянин воспринимал феодала уже не как внешнюю силу, которой он вынужден был покоряться, а как подлинного земельного собственника, собственника, отчужденного от непосредственного производителя основного условия труда. Вероятно, только с этого момента входит в действие вся совокупность законов феодального способа производства. С этой точки зрения режим насильственного введения феодальной ренты путем внеэкономического принуждения, а также элементов политической неполноправности можно, пожалуй, назвать лишь раннефеодальной стадией развития. Думается, что именно в этой связи Ф. Энгельс в письме К. Марксу от 22 декабря 1882 г. писал: «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю, – в Фессалии, например, это имело место очень рано. Факт этот даже сбил меня и кое-кого другого с толку в вопросе о средневековом крепостничестве; слишком легко склонялись к объяснению его простым завоеванием, это так легко и просто решало дело» ¹⁹. Как известно, во Франкском государстве с момента прихода германцев до становления собственно феодальных отношений прошло четыре столетия, а в центре процессов этой эпохи было превращение служилой знати и др. в подлинных земельных собственников, так или иначе дающих крестьянам землю на условиях выполнения повинностей и платежей.

На наш взгляд, серьезным доказательством того, что политика массового насаждения новых поселений была попыткой расшатать общину, нейтрализовать обычно-правовые убеждения исконности общинного землевладения, сломить сопротивление общины и превратить феодалов в подлинных земельных собственников, служит актывый материал о так называемых старожильцах.

Традиция старой историографии, рассматривавшей старожильцев только в аспекте вызревания крепостничества (работы М.Ф. Владимирского-Буданова, М.А. Дьяконова, Ф.И. Леонтовича и др.), была воспринята и советской историографией. С этих же позиций подходили к изучению старожильцев академики Б.Д. Греков и Л.В. Черепнин. По Б.Д. Грекову, старожильцы были первой категорией крестьянского населения, увязшей в путях зарождавшегося крепостничества: «Старожильство определяется не сроком прожитых за землевладельцем лет, а характером отношений между старожильцем и

землевладельцем, либо старо-жильцем и государством» [20](#). Сам термин «старожильцы», по мнению ученого, появился тогда, когда возникла потребность отмежевать категорию старых, зависимых от землевладельцев тяглецов от увеличивавшейся массы «новоприходцев» (термин, предложенный Б.Д. Грековым) [21](#).

Л.В. Черепнин обратил внимание на весьма важное обстоятельство: «Крестьяне-старожильцы, ушедшие из феодальных владений, не перестают рассматриваться как старожильцы, и если они возвращаются на те участки, где жили раньше, то феодалы не смешивают их с крестьянами, приходящими из других княжений» [22](#). Это наблюдение послужило автору основой для более широких выводов. Их сущность сводится к тому, что «основная часть крестьян – “старожильцы” – начинает рассматриваться как крепкая земля, связанная с определенными земельными участками. Возврат старожильцев считается приходом на свои “старые места”. Это... понятие “старое место” крестьянина-старожильца сыграло большую роль в дальнейшем юридическом оформлении крепостнических отношений... Закон постановил, что ушедшие из феодальной вотчины старожильцы не перестают рассматриваться в качестве крестьян-старожильцев своего феодала» [23](#).

Концепции старожильства Б.Д. Грекова и Л.В. Черепнина были оспорены Г.Е. Кочиним и И.Я. Фрояновым. Г.Е. Кочин подробно разобрав взгляды Б.Д. Грекова, на основе актового материала пытался (и безуспешно) доказать, что «старожилец» термин (равно как и явление) чисто житейский, бытовой. «Старожильцем» называли человека, издавна жившего в данной местности [note 24](#). Был подвергнут критике и тезис Л.В. Черепнина о связи старожильца со «старым местом», причем, связи, видимо, хозяйственной и житейской [25](#).

На наш взгляд, эти критические замечания в целом справедливы, так как действительно старожильство – явление чисто житейское, что и отразилось в термине. Это не означает, что на материалах о старожильцах нельзя выявить процессы, имеющие прямое отношение к развитию феодализма. Именно это имели в виду и Б.Д. Греков, и Л.В. Черепнин. Правда, на наш взгляд, в этом случае точнее говорить не о развитии крепостничества, а о развитии феодальных отношений.

Думается, что дело не в том, что ушедшие из своих сел и деревень старожильцы продолжают рассматриваться как старинные крестьяне своего прежнего феодала, как полагал Л.В. Черепнин [26](#), а в изменении самого статуса крестьян, вернувшихся на свои «старые места». Б.Д. Греков вполне справедливо объясняет появление термина «старожилец» необходимостью отличать старых, исконных жителей феодального владения от вновь пришедших и севших на льготу крестьян. Однако, когда речь идет о «новоприходцах» особого рода, т.е. крестьянах-возвращенцах, то квалификация их как «старожильцев» связана с необходимостью фиксировать их более низкий по сравнению с новыми первопоселенцами социальный статус.

По условиям льгот в налогах и повинностях старожильцы-возвращенцы резко отличаются от новопоселенцев. Если новопоселенцы, пришедшие из других районов («инокняжцы»), получали льготу, как правило, на 10, иногда на 15 лет, то «пришлые старожильцы», «которые будут и переже того... живали», имели льготу лишь на три-пять, изредка на семь лет. Разница в сроках льготы между новопоселенцами и старожильцами иногда была пятикратной [27](#). Л.В. Черепнин считает эту разницу естественной: «Ведь у них, – пишет ученый, – как старых поселенцев, было больше возможности наладить заброшенное хозяйство» [28](#). Думается, что ситуация была сложнее, и далеко не всегда меньшая льгота была прямо обусловлена меньшими трудностями в восстановлении хозяйства. Меньшая льгота чаще отражает более низкий социальный статус «пришлых старожильцев» [29](#).

В актовом материале этой поры главное внимание акцентировано на том, кем является новопоселенец: «инокняжцем», «пришлым старожильцем» или собственно «старожильцем». Вместе с тем фиксация хозяйственной специфики мест поселения неопределенна. Наоборот, в более поздних материалах начала XVII в., в частности в писцовых наказах, при рассмотрении заселения запустевших в течение 10-15 лет

земель главный упор был сделан на учет специфики хозяйственных трудностей и условий заселения и совсем не обращалось внимание на происхождение некрепостных, «охочих людей»: приходят ли они «со стороны» или являются «тутошними», здешних волостей людьми ³⁰. Разницы в податной льготе между «тутошними», волостными и «охочими» людьми «со стороны» как таковой не существует. Все зависит от конкретных хозяйственных условий. Напротив, актовый материал xv в. рисует совсем иную ситуацию. Здесь часто льгота отнюдь не столь определенно зависит от условий хозяйствования новопоселенцев. Так, в жалованной льготной тверского великого князя Михаила Борисовича 1483 г. сказано: «А кого перезовут людей, а посадят на лесе на стари. И тем льгота на 20 лет. А на пустошах посадят людей, и тем льгота на 20 лет» ³¹. Хозяйственные условия различны (девственный лес и заросшая пашня), а срок льготы одинаков. В грамоте великого князя Василия Ивановича 1497 г., в частности, говорится о поселении «на лес на старь»: «а льгота... на 15 лет» ³², а в грамоте 1493 г. грамотчикам дана просто пустошь, при этом срок льготы – «под двор на 15 лет» ³³ и т.д.

Следовательно, главная особенность состоит в том, что в актах XV в. при явно одинаковых хозяйственных условиях для разных новопоселенцев льготы были резко различны по срокам. Наиболее убедительный пример – льготная великого князя Василия Васильевича вдове Копнина (1442 г.) ³⁴. Здесь на землях, пустовавших десять лет, т.е. поросших молодым лесом «в кол» толщиной, льгота тем, «кого к себе перезовут людей на те пустоши тутошних старожильцов, которые прежде того туто жива ли», всего пять лет. В то же время льгота пришлым «инокняжцам» – десять лет, т.е. соответствует реальным по срокам возможностям полного освоения земель под пашню.

Во многих сохранившихся актах хозяйственные условия и для пришлых «старожильцев» и для «инокняжцев» примерно одинаковы, а сроки льгот различны. «Называют» людей преимущественно в частично запустевшие села и деревни, в запустевшие после мора селения, либо просто на пустоши. Кроме того, сами пришлые старожильцы, если они возвращаются непременно на свои старые места, могли прийти и 10, и 15, и 20 лет спустя, и в этом случае для них задачи хозяйственного восстановления «Старых» запустевших мест были не менее сложными, чем создание нового хозяйства, расчистка под пашню девственного леса и т.п.

На наш взгляд, резкое уменьшение льготных сроков для «пришлых старожильцев» означало полное отчуждение у них «старых мест» феодалом, конец иллюзиям бывших исконных жителей на право владения «старыми местами». У обычных новопоселенцев, пришедших «из иных княжений», таких иллюзий не было, они садились на чужую для них землю и приходили специально на Льготу, хотя несомненно, что с течением времени в силу экономической необходимости они снова вращались в систему общинного землепользования. Но это другой вопрос.

Стало быть, стержнем политики создания массовых новых поселений на льготных основаниях было не столько стремление привлечь «из иных княжений» рабочие руки для освоения новых земель (хотя такая задача в какой-то мере имела место), сколько стремление укрепить положение феодалов как полных земельных собственников во имя завершения процесса отчуждения от непосредственного производителя основного условия труда – земли ³⁵. Старожильцы вовсе не прикреплялись к земле («они часто срывались с места») ³⁶. Однако явление старожильства позволяет вскрыть указанный нами сложный глубинный процесс.

Изменение подхода к проблеме старожильцев позволяет иначе, чем прежде, оценить и сущность явления крестьянских переходов. Совсем не обязательно для столь ранней поры, как XIII-XIV вв. и даже первая половина XV в., рассматривать их в жесткой альтернативе «свобода-крепостничество» ³⁷. Крестьянские переходы (от одного землевладельца к другому) часто зависели от инициативы феодалов-землевладельцев. Очевидно, нецелесообразно вследствие этого расценивать переходы как непреходящий атрибут крестьянской свободы.

Расселения в рамках маркового строя свободных общин – явление обычное, но они исторически и социально не равнозначны переходам, так как механизм подобных миграций был совсем иным. Расселения крестьян-общинников лишь укрепляли такие основы обычного права, как принципы наследования и

трудового права, на которых покоились крестьянские общинные представления о земельной собственности. Между тем цель инициативы феодалов в отношении крестьянских переходов была противоположной – борьба за уничтожение или сокращение сферы действия крестьянского общинного наследственного права и сужение сферы действия принципа общинного трудового права до уровня одних лишь межкрестьянских отношений. Разумеется, в конкретно-исторической действительности все это проявлялось не столь однозначно, но общая тенденция, на наш взгляд, именно такова.

Традиционный подход к крестьянским «перезывам» как элементу крестьянской исконной свободы лишает историков возможности не только определить их начало, но и объяснить социальный механизм их возникновения. Л.В. Черепнин прямо заявлял: «Мы не знаем, как и когда возникло это право» (крестьянских переходов) ³⁸. В свое время И.И. Смирнов писал о том, что «Киевская Русь не знала права крестьянского перехода. Этот вывод вытекает... прежде всего из наличия такого социального института, как «изгойство»» ³⁹. Иначе говоря, община сама по себе как институт не создавала условий для крестьянских переходов. Процессы пауперизации и отрыва от земледелия были обусловлены, как говорилось выше, иными факторами. Думается, что возникновение «перезывов» было следствием сопротивления крестьянской общины становлению вотчины как полнокровной ячейки феодального общественного производства, когда развитие рентных отношений в ней миновало свою простейшую стадию повторения отношений института кормлений. Не исключено, что трактовка крестьянских переходов как элемента исконной свободы крестьян в нашей историографии является, в сущности, пережитком взглядов дореволюционной историографии на крестьянство Древней Руси как свободных колонистов (арендаторов), не организованных в общину.

«Перезывы» возникали, таким образом, как орудие борьбы феодалов с общиной, хотя само явление переходов – «перезывов» на практике оказалось значительно сложнее. Со временем переходы стали препятствием укреплению феодального способа производства. Больше того, на заключительном этапе своего развития они действительно стали и элементом крестьянской свободы. Хотя, если взглянуть в сущность процессов более поздней поры, конца XV и XVI вв., то придется признать, что и в это время крестьянские «перезывы» все еще оставались в значительной мере порождением прежней потребности расшатывания общины и укрепления права собственности феодала на землю. Поэтому, соглашаясь с тем, что «едва ли возникновение переходов означало закрепощение крестьян» ⁴⁰, вместе с тем необходимо подчеркнуть социальный смысл «перезывов» как орудия укрепления феодальной собственности на землю.

Следует иметь в виду, что конкретно-исторически явление переходов обростало и рядом сопутствующих функций. Историки прежде всего увидели в нем борьбу за рабочие руки. Однако наиболее важное значение эта функция приобретает много позже, примерно с середины XVI в., но и тогда она остается производной.

Приблизительно к середине XV в. в некоторых районах страны интенсивность переходов уже была, видимо, высокой. В водоворот массовых переселений на льготу в конечном счете были вовлечены широкие массы крестьянского населения, хотя в каждый данный момент «льготчики» не были в большинстве. Представляется существенным уточнить понимание терминологии актового материала, касающейся определения группы крестьян «льготчиков», фигурирующих под названием «инокняжцев». Л.В. Черепнин склонен к буквальной трактовке термина «инокняжцы»: крестьяне, вышедшие «из иных княжений» ⁴¹. На наш взгляд, этот термин в значительной мере условен, и имеет более узкое значение. Его социальная функция подобна термину «государь» Псковской судной грамоты и ряда других документов. «Иное княжение» – это территория, не входящая в пределы княжеской юрисдикции и фискального обложения системы «государственного феодализма». Сюда не входят территории частновладельческих вотчин, где вотчик был «государем», а следовательно, «князем». Данную интерпретацию, на наш взгляд, подтверждает формуляр актов великого князя тверского Михаила Борисовича. В жалованной льготной и несудимой грамоте Троицкому Калягину монастырю 1483 г. на устройство новой слободки на Верхней Жабне, в частности, сказано: «Звати ему людей из зарубежья и из-за бояр здешних, а не з выти моее, великого князя» ⁴². Понятие «великое княжение» уточнено здесь не в смысле государственного образования как политического организма, а лишь в фискально-юридическом плане («моя выть»). Следовательно, формула грамот московских великих князей и ряда княжений Северо-Восточной Руси, носящая негативный аспект: «не из моее вотчины, великого княжения», может допускать право перезыва «из иных вотчин». Такой ход

рассуждений подтверждается и формуляром грамот великого Рязанского княжения ⁴³. Их формуляр по своей сути идентичен тверскому и в какой-то мере московскому и иным формулярам грамот Северо-Восточной Руси. «Перезываются» крестьяне двух категорий: 1) жители «иных княжений» в буквальном смысле этого слова и 2) крестьяне «тутошные», «здешние», местных вотчичей-бояр. Формуляр грамот князей Северо-Восточной Руси представляется наиболее разработанным и детальным, поскольку из «здешних» и «тутошных» выделялись, как было показано выше, еще и крестьяне, вернувшиеся на свои «старые места». Но вместе с тем этот формуляр путем «негативных» конструкций («а не из моее вотчины, великого княжения») допускал, на наш взгляд, «перезыв» тех же категорий крестьян, что и в рязанских и тверских актах. В правомерности такой трактовки убеждает текст жалованной грамоты вологодского князя Андрея Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю на с. Ивановское Вологодского у. Здесь обычно лаконичная негативная формула «а не из моего княжения» передана следующим образом: «Или кого к себе в то село перезовут людей и в деревни изыного княжения, а не из моих волостей, ни ис сел» ⁴⁴.

Таким образом, крестьяне-«льготчики», «перезываемые» от владельца к владельцу, вовсе не ограничивались числом пришедших «из иных княжений» (в буквальном смысле этого слова), а потенциально охватывали большую массу крестьян внутри каждого княжения. И, что очень важно, они отнюдь не исчезали по мере образования единого Русского государства, как полагал Л.В. Черепнин.

Объективная логика развития процессов «перезывов» крестьян привела к тому, что стал нарушаться другой, параллельно протекавший процесс в общем потоке противоборства феодалов с общинным крестьянством – а именно: привлечение крестьян к выполнению полевой земледельческой барщины.

Вопрос о характере и темпах развития полевой барщины крестьян имеет принципиальное значение для оценки роли общинного землепользования и землеустройства в период до появления первых юридических актов, связанных с упорядочением крестьянских переходов ⁴⁵.

Б.Д. Греков, а до него А.И. Никитский и некоторые другие историки считали, в частности, что «ни в XV в., ни в некоторой части XVI в. собственной запашки у крупных и средних землевладельцев Новгородской области еще нет» ⁴⁶. Однако в последние десятилетия положение в историографии резко изменилось. О существенном значении отработочной ренты в системе феодальной эксплуатации крестьянства в Древней Руси XIV-XV вв. собран довольно большой фактический материал в работах А.П. Пьянкова, А.Д. Горского и Л.В. Черепнина ⁴⁷. Авторы этих работ с большей или меньшей уверенностью утверждают тезис о распространении в этот период полевой крестьянской барщины. Против этого тезиса выступил Г.Е. Кочин ⁴⁸. Он пришел к выводу о том, что «производство зерновых хлебов в собственном хозяйстве феодалов-землевладельцев в изучаемое... время занимало скромное место», а полевой барщины в собственном смысле еще не было ⁴⁹. Л.В. Черепнин согласился с этим замечанием и признал, что факты о барщине в XIV-XV вв. действительно отражают практику десятинной пашни, близкой к издольщине ⁵⁰.

Наиболее раннее и обстоятельное свидетельство о практике жеребьевой или десятинной пашни – уставная грамота 1391 г. митрополита Киприана Цареконстантинову монастырю ⁵¹. В ней отражен немаловажный момент: «игуменов жеребей весь ролыи орать взгоном». Поголовное участие крестьян в обработке пашни («взгоном», «згоном») в эту эпоху могло означать лишь одно: очень небольшой размер «игумнова жеребия». Видимо, в XIV в., да и в значительной мере в XV в., такая запашка была очень невелика. Только ее мизерность позволяла монастырям просить крестьян в порядке зачета в круг их повинностей обрабатывать ее на монастырь. Отголосок именно таких отношений можно видеть в одном из нормативных хозяйственных документов второй половины XVI в., т.е. времени, когда господская запашка стала уже повсеместным явлением, а величина ее постепенно становилась заметным бременем для крестьян. Из жалованной грамоты царя Ивана Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю вытекает, что господская запашка заводилась в обмен на льготы крестьянам в государственных налогах и повинностях. Запашка была еще весьма скромной по своим размерам. Тяговое распределение барщины организовывалось по вытям (по 1 дес. запашки на выть). Самое же главное для нас заключено в оговорке: «А изоидутся в котором поле за десятинами пашня, и им бога ради спяхати згоном» (т.е., если в каком-либо селе размеры господского поля не уложатся в повытный расклад по одной дес. на выть и окажется лишний участок, то крестьянам

предлагается вспахать его на добровольных началах «во имя бога») [52](#).

Итак, небольшой участок господского «жеребья» в крестьянских полях можно было обработать «згоном», т.е. без раскладки по тяглам, а стало быть, вне фиксированного рентой объема повинностей. Думается, что это самый ранний этап генезиса господской запашки именно в монастырях [53](#).

На основании уставной грамоты 1391 г. Цареконстантинову монастырю можно сделать и другое интересное наблюдение: в отношениях с феодалом с точки зрения организации хозяйственной связи община выступала *in corpore*. Огромная часть работ велась крестьянским коллективом в целом под руководством представителей крестьянского мира. В особенности это относится к пахоте (и всем видам работ, к ней примыкающих). Г.Е. Кочин проводит важную параллель уставной грамоты 1391 г. и «рядной грамоты» крестьян Робичанской волости с новгородским Юрьевым монастырем 1460 г. [54](#) И в том, и в другом случае перед нами – договорные отношения феодала с общиной *in corpore* о норме и характере крестьянских повинностей. Именно эти факты с наибольшей убедительностью выявляют главное препятствие, которым была общинная организация крестьян, для полного торжества феодального способа производства. Это обстоятельство в первую очередь обусловило трудный, растянутый во времени путь генезиса полевой барщины крестьян, первым этапом которой были лишь переходные к собственно барщине формы.

Во многих актах XV в. указания на крестьянскую барщину слишком неопределенны и могут быть оспорены. К ним прежде всего относятся свидетельства правых грамот различных монастырей (в первую очередь Троице-Сергиева и Симонова). Протоколы разбирательств земельных споров содержат материалы и факты о принадлежности спорной земли (пашни или луга) монастырю или черным крестьянам («земля великого князя»). Поэтому язык правых грамот весьма специфичен в том смысле, что многие выражения в их текстах настолько «ориентированы» на проблему принадлежности, что их нельзя понимать буквально [55](#).

Лишь в редких случаях они говорят о господской пашне [56](#). Число свидетельств о неопровержимом существовании господской запашки и полевой барщины сокращается при более внимательном чтении текстов различного рода меновных, данных, купчих, а также духовных грамот. Думается, что практикой «жеребьевого» или долевого выделения господского посева вызвана к жизни формула, имевшаяся в грамоте от 1494 г. волоцкого князя Бориса Васильевича в с. Шарапове на Клязьме. Интересующий нас фрагмент текста гласит: «А которые земли пахали мои крестьяне изстарины, сена косили на меня и на себя» [57](#). Так повествовать, на наш взгляд, можно лишь об общих полях, в которых каждый раз выделяется доля посевов для господина-феодала. Поэтому о пашнях и говорят, что их пахнут «и на меня и на себя».

Пожалуй, предполагать наличие господского поля по материалам данного типа можно лишь в тех редких случаях, когда наряду с запасами хлеба и зерновыми посевами есть сведения о семенах как элементе господского имущества. Если феодал продает в числе прочего или оставляет себе семена на посев, то это действительно может быть доказательством существования господского поля и господской запашки (иногда, правда, в другом владении данного землевладельца). Встречаются и иные достаточно ясные факты конца XV в. о существовании особых господских полей [58](#).

Таким образом, более или менее уверенно говорить о существовании господской запашки в виде особых массивов полей, вычлененных из общей системы крестьянского общинного землепользования и землеустройства, можно лишь в очень немногих случаях. Точно так же крайне малочисленны и случаи «жеребьевых» запашек на феодала.

Необычайно замедленное развитие господской запашки, обрабатываемой крестьянами в порядке полевой барщины, доказывается тем, что только в масштабе очень больших временных периодов можно уловить какие-то изменения, фиксирующие сколько-нибудь заметную эволюцию от стадии «жеребьевого» пашни, очень близкой к издольщине, к стадии господской пашни, где семена и навоз для пашни крестьяне берут из господского же хозяйства, от стадии пашни «взгоном» в силу крайне незначительных ее размеров к солидной господской пашне, разверстанной десятинами (или ее долями) на каждую крестьянскую выть.

В селах великой княжны Софьи Витовтовны (1451), вполне вероятно, был господский фонд семян и существовала десятинная пашня. По сотной грамоте 1543-1544 гг., на дворцовое с. Буйгород и Буйгородскую волость (67 деревень и с. Палкино) «сельчане» и «деревеньщики» пашут на каждые 6 дес. «хрестьянской пашни» 1 дес. на великого князя. Наказ сотной грамоты: «а навоз ... вози-ти на великого князя пашню своих дворов»⁵⁹ – дает основания предполагать, что великокняжеский «жеребей» уже выделен из общего массива полей, хотя твердой уверенности в этом нет.

Процесс выделения господской запашки из общего массива крестьянских полей прослеживается лишь только примерно с середины XVI в., когда в формуляре послушных, ввозных и ряда других актов, выдаваемых новым помещиком, появляется очень многозначительная оговорка: «И вы б все крестьяне... пашню его пахали, где себе учинит и оброк платили, чем вас изоброчит» (разрядка моя. – Л.М.)⁶⁰. Но даже по второй половине XVI в. имеются данные о господской пашне, позволяющие думать, что и в это время далеко не повсюду господские поля стали обособленными, все еще входя отдельными участками в крестьянские поля. Так, в жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю от 19 мая 1577 г. предписывается крестьянам «по вся лето монастырское дело делати: пашня им пахати... и навоз возити... и пожни косити по прежнему». Но когда речь заходит об огораживании изгородами пашенных монастырских полей, грамота предлагает: «и около пашни изгороду самим городити, где хто пашет»⁶¹, т.е. огораживать монастырский клин пашни каждый крестьянин, вероятно, должен на участке «своей выти». При существовании единого господского поля сделать это так, как предписывает грамота, невозможно. Но вместе с тем здесь – важный момент; участки монастыря твердо закреплены за ним (их огораживают).

Наиболее заверченный этап выделения господской пашни из «жеребьевого» крестьянского землепользования можно видеть на примере жалованной уставной грамоты 1590 г. нижегородскому Благовещенскому и Цареконстантинову монастырям Владимирского уезда. Она, в частности, рекомендует: «А пашня монастырская пахати на выть по полуторы десятине ржи и овса, а сеять Семены монастырскими и жати и класти и молотити и в житницы сыпати и навоз на пашню возити с монастырских конюшенных и з животинных дворов... А как крестьяне монастырскую пашню пашут и изделие всякое монастырское делают и крестьяном свои хлеб ести»⁶². Здесь настолько все обособлено от элементов крестьянского хозяйства, что можно предполагать и выделение пашни, поскольку монастырские поля расположены в селах, где есть монастырские хозяйства.

Таким образом, перед нами двухвековая, чрезвычайно замедленная эволюция такого барщинного хозяйства, где холопский труд, столь широко распространенный в светской вотчине, не применялся.

Наиболее вероятное преобладание в этот двухсотлетний период долевого господского запашки свидетельствует о громадной роли общинной корпорации в определении характера отношения крестьянина с феодалом. Больше того, этот факт свидетельствует о явном бессилии феодала преодолеть сильные традиции общинного землепользования и землеустройства и, наконец, о практической невозможности при данном уровне соотношения классовых сил ввести в хозяйственную практику отработочную ренту в ее наиболее грубой форме – форме полевой барщины.

Полагаем, что обычные мотивировки историков о том, что такая форма эксплуатации еще «не назрела», что феодал не был заинтересован в заведении собственно господского хозяйства, в свете приведенных доводов и соображений могут быть поколеблены. Нужда феодала в собственном хозяйстве подтверждается существованием в вотчинах, «боярщинах», «волостках» господской пашни, обрабатываемой холопами⁶³. Желание феодала расширить круг своих потребностей, выйти за рамки потребительных стоимостей, создаваемых в крестьянском хозяйстве, косвенно отражают формуляры кормленых грамот, где очень рано появляется клаузула: «А не люб будет волостелем корм, и они емлют за полоть мяса 10 денег», «А не люб будет доводчикам корм, и они емлют за ковригу деньги» и т.д.⁶⁴

Этот столь мучительный и многовековой путь развития полевой крестьянской барщины, видимо, не был, да и не мог быть стимулирован такими факторами, как развитие внутреннего или внешнего рынка. Кроме того в случае воздействия такого фактора, как рынок, барщина неизбежно должна была бы приобретать характер

господствующей формы ренты. Однако резкое увеличение господских запашек (в том числе и монастырских), правда, в связи с кризисом и натурализацией хозяйства, отмечено исследователями лишь примерно с середины XVI в. Стало быть, до XVI в. указанная эволюция не была обусловлена этими причинами. В данный период, вероятно, действовали лишь механизмы укрепления феодальной собственности на землю. И чрезвычайно медленные темпы эволюции полевой барщины, помимо природно-географической специфики, обусловлены существованием именно общинного строя частновладельческой деревни.

Данное положение, на наш взгляд, находит подтверждение в выявлении взаимоотношений феодала с крестьянским населением своих владений в связи с полевыми барщинными работами. Эволюция и трансформация «жеребьева» пашни – это лишь хозяйственный аспект проблемы укрепления феодальной собственности на землю.

Актовый материал позволяет уяснить некоторые моменты и социальной стороны этой проблемы. Обратимся к интереснейшему тексту купчей 1483/84 гг. на деревню в Белозерском уезде, где говорится: «Се яз ... купил есми... деревню... с хлебом и с семяны, опрочь половничьи половины да их собины, и с пустошми, и с лесы, и с пожнями» ⁶⁵. Помимо довольно твердого свидетельства существования здесь господского поля как элемента собственно господского хозяйства, в тексте грамоты есть чрезвычайно интересный материал о путях привлечения рабочей силы для обработки этих полей. Продавец оговаривает, что запасы хлеба продаются за исключением «половничьей половины». Последнее означает, что поле было действительно целиком господским, поскольку оговорена «половничья половина», а не господская. Тот факт, что половники упоминаются наряду с господскими семенами дает нам возможность предположить, что половники работали здесь на господском поле. По материалам XVI-XVII вв., половники всегда отдавали семена господину, а остальное делили «на полы» ⁶⁶. Наконец, упоминание так называемых «собин», на наш взгляд, доказывает, что перед нами половники, сеющие именно на господском поле и имеющие в данной деревне не земельные наделы полевой пашни, как полагал Л.В. Черепнин, а лишь нерегулярную пашню в рощистях, займищах и т.п. Оговаривать в грамоте, представляющей акт купли деревни как хозяйственного комплекса, непричастность к объектам этой купли крестьянских наделов полевой пашни, по нашему мнению, бессмысленно. И вот почему.

В этой грамоте речь идет о местных половниках, т.е. живущих именно в этой деревне, но, вероятно, продавших свои участки феодалу. Если бы половники сохранили свои наделы, то они бы на них и выращивали господскую долю хлеба, но тогда грамота не говорила бы о господских семенах, так как в крестьянском хозяйстве они и так должны быть (здесь нет речи о господской ссуде семенами).

Такие половники, лишившиеся своей земли, фигурируют и в других актах ⁶⁷. Новгородские писцовые книги конца XV в. упоминают их в деревнях своеземцев близ г. Орешка ⁶⁸. Видимо, о таком же безземельном половнике идет речь в известном судебном списке 1495-1499 гг. Троице-Сергиева монастыря с крестьянами во главе со Степаном Панафидиным, где, в частности, говорится: «На том Маткове жил Федор слободчик, а половничал на монастырь Троицкой, и жито делил на гумне с ключники монастырскими» ⁶⁹. Здесь половник по бывшему, или точнее, постоянному месту жительства «слободчик», т.е. черный крестьянин, хотя живет на монастырской земле, а, следовательно, и пашет «исполу» монастырское поле. Количество таких примеров можно увеличить.

Если Б.Д. Греков, пользуясь в основном материалами второй половины XVI и XVII в., был склонен видеть в половниках совершенно определенную категорию сельских жителей, что для этого периода в целом, видимо, справедливо, то Л.В. Черепнин для эпохи XIV-XV вв. обосновал социальную неопределенность и расплывчатость половников как категории. Их название обусловлено лишь размером отчислений от полученного урожая в пользу «работодателя». Это и крестьяне, потерявшие земельный надел, однако попавшие в силу обстоятельств во временное положение половника к соседнему феодалу ⁷⁰. Состояние половничества по длительности могло быть самым различным – от наследственного и пожизненного до краткосрочного, в один-три года. Некоторые вариации половничества были сопряжены с потерей тех или иных прав и обязанностей в общине и т.д.

Вместе с тем к половникам принадлежала, пожалуй, наибольшая по численности группа крестьян-издольщиков, т.е. крестьян, уплачивающих натуральный зерновой оброк, равный половине чистого урожая (т.е. без семян) ⁷¹. Наиболее важно, что такие половники были полноправными крестьянами ⁷². Они имели все права и обязанности общинника и, что самое главное, владели земельным наделом.

В документах эта категория половников по общему положению стоит в одном ряду с третниками, т.е. с крестьянами, платящими оброк хлебом «из третьего снопа», и, очевидно, с другими группами крестьян. Во всяком случае, в духовной митрополита Алексея сказано: «А все те села дано с серебром и с половники и с третники и с животиною» ⁷³. Такие крестьяне-общинники, платившие зерновой оброк «исполовья», многочисленны в Водской, Шелонской пятинах, в Шунгском погосте Заонежья и др., что выявляется по материалам новгородских писцовых книг конца XV в. ⁷⁴

Из сказанного можно сделать весьма существенный вывод. В XIV-XV вв. обязать крестьянина-общинника пахать господское поле было необычайно трудно. Можно было довести размер продуктовой ренты до максимума, т.е. изъять в форме оброка 50% «приполонного» хлеба, не считая других компонентой ренты, но заставить крестьянина работать на господском поле при такой же норме эксплуатации реально было лишь при потере им земельного надела или иных чрезвычайных экономических обстоятельствах. В условиях напряженного короткого цикла земледельческих работ сила и характер внеэкономического принуждения должны были быть кардинально иными. Это, видимо, главная пружина всего механизма укрепления и развития феодальной собственности на землю. Крестьянин-общинник, за спиной которого стоял сельский мир с солидарностью его членов, должен был лишиться его поддержки, должен был посредством политических рычагов стать непосредственно зависимым от феодала. Следовательно, полевая барщина была теснейшим образом связана с коренной перестройкой внеэкономического принуждения.

Итак, помимо прямого, хотя и слабого внедрения, в частности в монастырских владениях Северо-Восточной Руси, полевой барщины в виде переходной к собственно барщине формы «жеребьево» пашня, мы можем проследить и окольные пути ее развития. Одним из них, как было показано выше, был генезис крестьянской полевой барщины в виде одной из разновидностей половничества. Другим окольным путем было серебренничество, или путь экономического закабаления.

Наиболее активно вопрос о серебренничестве в последние два десятилетия обсуждался И.И. Смирновым и Л.В. Черепниным. И.И. Смирнов пришел к выводу, что серебренничество – «определенная форма феодально-крепостнической зависимости крестьянства XV века» ⁷⁵. Причем, «серебро» никогда, по мнению ученого, не означало ренту, это исключительно кабальная ссуда. Серебренничество как разновидность долга служило мощным инструментом втягивания в сферу феодальной зависимости новых слоев крестьянства ⁷⁶. Л.В. Черепнин подходил к серебренничеству крестьян как к более широкому и многообразному явлению, которое означало не только кабальные отношения на основе денежной ссуды, но и их обязанность вносить денежный оброк ⁷⁷. Г.Е. Кочин в целом занял позицию, которая близка к концепции И.И. Смирнова. Вместе с тем он сделал более существенное уточнение сущности серебренничества. Он считал отношения серебренничества отношениями крестьян и феодалов, «вышедшими за пределы обычного круга отношений: выплаты оброков и отбывания отработочной ренты», т.е. не касающимися «новых слоев крестьянства» ⁷⁸.

Думается, что в оценке серебренничества ближе к искомой истине И.И. Смирнов и Г.Е. Кочин. Вплоть до конца XV в. денежный оброк был лишь незначительной частью феодальной ренты. Это прекрасно видно на материалах новгородских писцовых книг, а ведь этот регион, видимо, отличался более активным развитием товарно-денежных отношений. Кроме того, «серебро оброчное» не связано с уплатой процентов, и в этом глубоко принципиальное отличие от кабальной ростовщической ссуды. Вряд ли социальная функция терминологий актов была настолько не развита, чтобы не отличать в квалификации один вид платежа от другого. Полагаем, что неправ был Л.В. Черепнин, сочтя возможным интерпретировать упоминания о серебренниках как о крестьянах, обязанных денежным оброком. Для этого нужна социально значимая практика существования денежной ренты в чистом виде, т.е. как самостоятельного явления, а это противоречит данным источников.

Серебренничество, во всяком случае в XV в., было довольно широко распространено. Упоминание о серебре как «серебре в людях» присутствует не только в духовных и данных грамотах ⁷⁹. О нем говорят жалованные, льготные, тарханские грамоты, В XVI в. оно проникает в инструктивно-типовой материал (монастырские уставные грамоты) ⁸⁰, что особенно важно, так как именно в этих актах серебренничество отражается как общественно значимое явление. Наиболее выразительным подтверждением ее распространенности серебренничества служат крупные размеры сумм, находящихся «в людях» ⁸¹.

В практике серебренничества особое внимание привлекает «издельное серебро». Упоминания актов об «издельном серебре» широко известны в нашей литературе ⁸². Типологически комплекс терминов («серебро издельное», «серебро дельное» и «серебро ростовое») выступает лишь в функции детализации понятия «серебро в селах» и «серебро в людях». Больше того, общие представления о характере эпохи XIV-XV вв. да и ряд фактических данных позволяют предполагать, что в серебренничестве крестьян-земледельцев основной формой займа было не «ростовое серебро», когда проценты выплачиваются деньгами, а именно форма «дельного серебра», или, что точнее, «издельного серебра», когда процент, или «рост», оплачивается трудом крестьян ⁸³. То, что под «серебром в людях» чаще всего разумеется «дельное серебро» в качестве оплаты «роста» каким-либо видом земледельческих работ, особенно четко видно из данной Степана Окулова сына Теврюкова Спасо-Евфимьеву монастырю на с. Борисовское в Новгородской земле ⁸⁴. У этого феодала была своя господская запашка, что явствует из данных о размере высева ржи, пшеницы, овса, проса и гороха. В перечне имущества Степана в селе указано, в частности: «да в селе на людях 200 алтын денег», т.е. в займах, под проценты. Но в конце документа эти займы характеризуются более подробно («а што будь моего серебра долгу – по моем животе половина людем тем, хто его косил, а половина великому Спасу»). Таким образом, общая безличная формула «на людях 200 алтын» (т.е. «серебро в людях») фактически подразумевает целиком «издельное серебро». Степан половину суммы долга («исто», «истина») прощает крестьянам, а половину завещает взыскать монастырю. Главное же – из текста видно, что «рост» (проценты) погашался трудом крестьян: они косили на феодала. Косьба за «рост» называлась «некое». Отсюда прямая аналогия к «изделью» как работам за проценты по обработке пашни, жатвы и обмолота зерна ⁸⁵.

Дефицит денег из-за недостаточного развития товарно-денежных отношений сказывался даже на форме уплаты процентов по займам, совершаемым феодалами. Проценты по таким займам они платили не только деньгами, но и натурой – хлебом. Даже в актах XVI в. встречаются заклады вотчин под «хлебные кабалы» ⁸⁶. В рязанской заемной кабале Ф. Богдановой с внуком князем И.И. Мещерским заложена вотчина за 40 руб. Заимодавцу были отданы в залог купчие грамоты на село и селище, «а за рост Якову та наша деревня ведати со всем и земля пахати и косити» ⁸⁷. Иначе говоря, проценты компенсировались прямой эксплуатацией вотчины. Очень часты были заклады («закупы») различного рода пожней, лугов, пустошей и т.п. ⁸⁸

Таким образом, предположение, что в серебренничестве крестьян преобладала «издельная форма» уплаты процентов («роста»), имеет серьезные основания.

Самым частым видом работ за «рост» были косьба сена и пахота ⁸⁹. Из уставной митрополичьей грамоты монастырям, по характеру материала являющейся как бы типовой инструкцией, можно заметить, что господская пашня (монастырская в данном случае) была только двух видов: 1) «жеребьевая» или десятинная и 2) пашня «на серебро» ⁹⁰.

Не менее важным выводом, вытекающим из наблюдений над актовым материалом такого рода, является утверждение, что пахота земли на феодала и весь комплекс работ по севу, жатве и уборке урожая были основным содержанием серебренничества. Сведения о «серебренниках-половниках» наиболее четко отражают эту практику ⁹¹. Но это относится и ко всем «надельным серебренникам».

Наиболее доказательные аргументы в пользу большого удельного веса в отработках за рост земледельческих работ по севу, жатве, уборке и обмолоту хлебов содержатся в хорошо известной серии актов, касающихся ограничений сроков «перезыва» крестьян-серебреников Юрьевым днем (двумя неделями до Юрьева, т.е. 26 ноября, дня и неделей после него) ⁹². Приурочивание права перехода крестьян-серебреников ко времени, когда кончается поздняя осень и наступает зима, связано с окончанием земледельческих работ. Расплата серебреников не «издельных» приурочивалась также к этому сроку ⁹³.

На наш взгляд, «издельное» серебреничество было вызвано к жизни явной неудовлетворенностью стремлений духовных феодалов выйти из тупика, который создавало взимание продуктовой ренты, с помощью ничтожных по размерам «жеребьевых пашен», а светских феодалов – ограниченными возможностями расширения сферы холопского земледельческого труда. Серебреничество также, как и политика льгот, своей объективной целью имело укрепление феодальной собственности на землю и власти над крестьянами.

Следовательно, нужда в расширении сферы барщинного земледельческого труда была продиктована отнюдь не только и не столько хозяйственными мотивами, сколько социальными. Именно этим обстоятельством можно лучше всего объяснить явное несоответствие между реальной возможностью широко практикующегося получения феодальной ренты в виде оброчного хлеба («треть», «четверть», а часто и «половье») и настойчивым, скаредным внедрением «изделья» на пашне.

При господстве общинного землепользования, а главное, корпоративных традиций общинного владения землей, превратить «жеребьевый» участок запашки, который был лишь модификацией издольщины, в прямую барщину было далеко не просто. Поэтому полевая барщина в своем непосредственном виде как акт феодальной эксплуатации в наиболее грубой форме появилась лишь как итог долговой кабалы ⁹⁴. Это был не столько процесс втягивания в сферу феодальной зависимости слоев крестьянства, как полагал И.И. Смирнов ⁹⁵, сколько процесс установления полного господства феодального собственника над трудом непосредственных производителей, сидящих на его земле. Подобные процессы, вероятнее всего, проходили вне и сверх обычного круга повинностей крестьян, что очень тонко было отмечено Г.Е. Кочинным.

Таким был чрезвычайно сложный, окольный путь развития господского хозяйства с помощью не рабочих рук холопов, а дополнительного труда крестьян, попавших в денежную кабалу.

Свое логическое завершение этот путь получает в тех случаях, когда общинник-серебреник, работавший на своего господина, «сажался» феодалом заново на какую-либо землю ⁹⁶. По-видимому, в таких случаях сумма «роста» могла быть в новых условиях трансформирована в земельное соотношение крестьянской пашни и пашни, обрабатываемой в пользу феодала. В этой связи чрезвычайно знаменательно, что фактические данные о размерах монастырской и вообще господской феодальной запашки в конце xv – начале xvi в. соотносятся с крестьянской запашкой точно в такой же пропорции (или очень близкой к ней), как «рост» соотносится с «исто», т.е. сумма процентов за займ с основной суммой займа. В документах центральных районов страны это соотношение передается обычно как «на пять – шестой», т.е. 20% к 100% основной суммы займа (1 : 5) ⁹⁷.

Размеры господских запашек в названной пропорции (1 : 5) к крестьянской пашне встречаются в конце XV в. в грамоте митрополита Симона Юрке Масленицкому (1495-1511 гг.), а также в целом ряде документов XVI в. ⁹⁸

Следовательно, на начальных этапах заведения барской запашки в центральных районах страны ее величина, как правило, соотносилась с величиной процентов по займам. Этот факт может указывать на типичный генезис господской запашки из «издельного» серебреничества. Так зарождался один из видов отработочной ренты – полевая барщина.

Подобная сложность, а главное, длительность генезиса полевой барщины крестьян на протяжении целых столетий, думается, может быть объяснена прежде всего спецификой природно-климатических условий и как следствие этого существованием общинной организации крестьянства, что делало переход к низшим

формам феодальной ренты необычайно трудным.

Объективная потребность укрепления феодальной собственности на землю и полновластного господства над земледельческим трудом крестьян нашла пути своей реализации в перемещении крестьян на новые, чужие для них земли. Олицетворением земельной собственности на землю при этом становился сам феодал. Но по сути это была борьба лишь со следствием, а не с причиной. Поэтому феодалы-землевладельцы не достигли желаемых результатов в приобретении всей полноты власти как над землей, так и над трудом непосредственных производителей.

Не случайно, что логика процесса укрепления феодальной собственности на землю и на подвластное население при осуществлении политики «перезывов» крестьян заставляет феодалов, в конечном счете, вовлекать в орбиту «переходов» и слои крестьянства, экономически попавшие в чрезвычайные обстоятельства временной долговой кабалы.

В актовой документации это находит отражение в виде появления в качестве «перезываемых» таких групп крестьянства, как серебряники, «половники», а также так называемые «окупленные люди». Они четко отделяются от основной массы крестьян. Л.В. Черепнин прав, когда видит в источниках различие этой группы людей от так называемых «рядовых людей юрьевских», понимая под последними обычных крестьян, переход которых от одного землевладельца к другому не был осложнен выплатой долгов и иных обязательств [99](#).

Примерно с середины XV в. в обстановке, когда «перезывы» стали перерастать в «отказы», т.е. в практику расчета с вотчицем по общему крестьянскому «ряду» и долгам за уходящего крестьянина новым вотчицем, резко проявилась тенденция к общему запрету переходов. На это обращали внимание почти все советские исследователи истории крепостного права (Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, И.И. Смирнов, А.Д. Горский и др.). В этой ситуации традиционная формула о «тутошних людях», «становых» или «волостных» или «тяглых» становится формулировкой, означающей общий запрет перехода великокняжеских крестьян, хотя поначалу эти запреты детализируются [100](#).

Говоря о развитии политики «перезывов» крестьян, следует отметить вообще особую специфичность позиции князя в отношении черных и даже собственно княжеских (будущих дворцовых) волостей. Проблема расшатывания и ослабления общины во имя укрепления статуса феодального земельного собственника не была столь актуальна, как в частновладельческом секторе, ибо княжеская собственность в эту эпоху все еще развивалась главным образом в русле государственного феодализма, для которого общинная организация крестьян была естественной и традиционной социально-экономической опорой. Это проявлялось, в частности, в отсутствии у княжеской власти (исключая какие-либо чрезвычайные обстоятельства) острой заинтересованности в перетасовке людских ресурсов путем крестьянских «перезывов». Отсюда проистекают и ранние проявления политики князей, препятствующей переходам черных и княжеских крестьян. Однако это отнюдь не было проявлением каких-либо закрепостительных тенденций.

С середины XV в. политика перемещения крестьянских масс на новые земли, видимо, начинает приходить в противоречие со своей конечной целью – появлением непосредственного производителя, сидящего на земле феодала и вырванного из среды общинного крестьянства личным экономическим закабалением сверх нормативных рентных платежей и повинностей.

С этого момента и даже несколько раньше появляются попытки полного отказа от практики переходов. О проявлении этой тенденции свидетельствуют запреты великого князя московского и некоторых других «перезывать» в равной мере так называемых «письменных» и «неписьменных» людей. В отдельных случаях и феодалы (в первую очередь, духовные) получают такие санкции от великого князя московского [101](#).

Другая тенденция связана лишь с целью ограничения сроков переходов [102](#).

Упорядочение в юридических документах практики «перезыва» серебряников, а особенно трансформация «перезыва» в «отказ» крестьян-серебряников были принципиально важным шагом в укреплении феодальной собственности на землю и власти боярина и вотчина над крестьянством. Тем самым феодал

приобретал возможность увеличения численности зависимых крестьян, находившихся к тому же в состоянии чрезвычайной экономической задолженности. «Отказ» крестьян-серебренников позволял феодалам путем уплаты за серебреника его долга и вывоза его на свои земли сразу же поставить бывшего серебреника перед неизбежностью выполнения (помимо обычного круга крестьянских повинностей) полевой земледельческой барщины в соотношении 1 : 5, т.е. господская запашка была «ростом» (процентами) за предоставленную бывшему серебренику новую землю. Ситуация с «посаженными серебрениками» и «окупленными людьми» как будто бы распространяется на новый круг крестьян.

Вместе с тем в грамотах, вводящих срок перехода в Юрьев день, почти сразу же появляется тенденция к ограничению этим сроком переходов и остального крестьянства [103](#).

Судебником 1497 г. было, как известно, установлено общее ограничение крестьянских переходов одним сроком – в Юрьев день (за неделю до 26 ноября и в течение недели после него). Таким образом, у господствующего класса и государства еще не было реальной силы и могущества, чтобы пойти на решительное наступление и на черную, и на Владельческую общину.

А субъективно осознанная классом феодалов необходимость дальнейшего ослабления, расшатывания или нейтрализации общины была вполне очевидной. Первая половина XVI столетия, сопровождавшаяся относительно благоприятными экономическими и внутривластными условиями развития страны, показала сравнительную слабость процесса социальной дифференциации крестьянства, ограниченные масштабы разложения общины. Для класса феодалов это оборачивалось слишком малыми возможностями вовлечения крестьянства в путы чрезвычайной кабальной (личной) зависимости, полновластного маневрирования любыми формами ренты. Больше того, начатая когда-то самим господствующим классом практика крестьянских переходов стала теперь еще более ощутимой угрозой подрыва основ взимания феодальной ренты.

Таким образом, все, так сказать, частные методы борьбы с владельческой общиной были исчерпаны. Для подавления активизации и сопротивления общинного крестьянства нужна была весьма сильная, реальная власть господствующего класса в целом. Иначе говоря, на первый план исторически выдвигались задачи укрепления и консолидации феодального класса.

В Западной Европе могучим рычагом консолидации класса феодалов была система сложной феодальной иерархии. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура была ассоциацией, направленной против поработанного, производящего класса» [104](#).

В условиях Древней Руси ограниченный размер совокупного прибавочного продукта общества делал нереальным создание сколько-нибудь сложной многоступенчатой феодальной иерархии в качестве ассоциации, направленной против производящего класса. Однако исторически эквивалентом этому был путь консолидации господствующего класса посредством усиления центральной власти, путем резкого возрастания вассальной (служебной) зависимости от нее каждого феодала. По сути это разновидность феодальной иерархии.

Как известно, такая цель была достигнута созданием московской великокняжеской властью статуса служилой вотчины, а главное, учреждением широкой системы поместных держаний. Немалую роль сыграли при этом внешнеполитические и оборонные задачи складывающегося единого Русского государства.

Итак, развитие поместной системы и установление статуса служилой вотчины имели своей целью создание монолитного могущественного господствующего класса, способного в процессе повседневной эксплуатации крестьянства обескровить или нейтрализовать защитные механизмы общины.

В данной работе мы пытались показать, что глубинной основой закрепостительных тенденций был процесс развития и укрепления феодальной собственности на землю и на труд непосредственных производителей. В силу неблагоприятных природно-климатических условий социальным препятствием этого явилось существование сильной общинной организации крестьянства с ее землеустройством и землепользованием.

Необходимость укрепления феодальной собственности на землю и эволюция рентных отношений уже к концу XV в. объективно толкали господствующий класс на меры закрепостительного характера. Однако реализация их стала фактом лишь после длительных усилий государства по укреплению своего могущества и консолидации господствующего класса.

Если стремление немецкого (прусского) дворянства изъять обширные земли у крестьян-чиншевиков с целью резкого расширения барского хозяйства можно было осуществить, по словам Ф. Энгельса, лишь превратив этих крестьян в крепостных [105](#), то стремление феодалов Древней Руси к полновластному распоряжению землей и трудом крестьян-общинников также привело к необходимости превратить их в крепостных.

Подчеркнем, что в подобном способе нейтрализации защитных функций общины нуждалась прежде всего вотчина, причем вотчина того статуса, который был ей свойствен до конца XV в.

Сравнительное исследование социальной и экономической структуры поместья и вотчины 30-х годов XVII в. показало, что они даже в это время представляли собой разные типы хозяйства [106](#). Причем в условиях уже свершившегося первичного закрепощения крестьян вотчина обнаруживает гораздо более мощные потенции развития, чем поместье. Это, на наш взгляд, является сильнейшим подкреплением той трактовки развития событий, которая предложена данной работой.

Эта схема происхождения крепостничества в России отнюдь не исключает роли тех факторов, которые наиболее тщательно изучены в нашей историографии [107](#). Однако широкое развитие поместной системы, создавшее предпосылки к резкому повышению нормы эксплуатации, стремительный рост налогов, хозяйственный кризис и борьба за рабочие руки служили конкретно-историческими факторами, лишь форсировавшими процесс закрепощения. Основной же, глубинной причиной была борьба господствующего класса за укрепление феодальной собственности на землю, выразившаяся в стремлении разрушить общинный строй крестьянства. Экономическая необходимость функционирования при феодализме социального организма, генетически восходящего к первобытному коммунизму, заставила господствующий класс искать путь нейтрализации этого мощного оплота крестьян. Этим путем и явилось крепостничество. История дала его феодалам в качестве «компенсации» за неизбежность существования остатков первобытного коммунизма [108](#). Создалось своеобразное единство противоположностей. В то же время исходным моментом, породившим это единство противоположностей, был комплекс специфических природно-географических условий, серьезно осложнявший социальный механизм извлечения совокупного прибавочного продукта.

Таким образом, мы можем полагать, что на всем протяжении развития феодализма, вплоть до XVI столетия, имела место напряженнейшая борьба господствующего класса за укрепление феодальной собственности на землю. Обусловленный как природно-климатическими, так и конкретно-историческими факторами, процесс укрепления феодальной земельной собственности на землю шел одновременно разными, но параллельными путями. По всей вероятности, и практика крестьянских «перезывов», и попытки заведения «жеребьевой» запашки, и попытки заставить крестьян обрабатывать господскую пашню путем экстраординарной экономической кабалы и т.д. имеют весьма древние истоки и своими корнями уходят, вероятнее всего, в эпоху Древнерусского государства.

Все эти своего рода «санкции» субъективно были направлены на ослабление, если не на разрушение крестьянской общины как фактора организации земледельческого производства и социальной организации мелких производителей.

Своеобразным воплощением завершенности процесса укрепления феодальной собственности на землю была практика введения полевой барщины крестьян. Именно она была той последней мерой, которая превращала феодала в олицетворение земельной собственности, заставляла крестьянина-общинника забыть о «своих» исконных правах на землю.

Многовековое развитие данной исторической тенденции тем не менее оказалось практически бесплодным. Больше того, развязанная по инициативе господствующего класса практика крестьянских «перезывов» с

течением времени превратилась в свою противоположность, т.е. стала в значительной мере фактором так называемой крестьянской свободы. Кроме того историческая неизбежность существования крестьянской общины маркового типа кардинальным образом ослабляла процессы социальной дифференциации крестьянства и ограничивала феодальную практику долговой кабалы крестьян социально малосущественными масштабами.

Таким образом, исторически назревала необходимость резкого изменения характера и силы внеэкономического принуждения в целях окончательного укрепления собственности феодалов на землю и на труд непосредственного производителя. То и другое дала эпоха XVI столетия с ее стремительным развитием помещичьей системы, резким сокращением числа вотчин, трансформацией самой вотчины в вотчину служилую и, наконец, системой заповедных лет и указом царя Федора об отмене крестьянских переходов и крестьянской «крепости земле».

В этой связи становится более понятным, даже при источниковедческой незавершенности, здравый историзм реконструкции В.И. Корецким указа 1592-1593 гг. об отмене крестьянских переходов в Юрьев день, явившегося ключевым моментом в становлении крепостничества.

Так называемые «безуказные» концепции утверждения крепостничества в целом основаны на оценке крепостничества как итога массового крестьянского закабаления в тех или иных формах. Предложенная в данной статье интерпретация фактического материала, на наш взгляд, показывает неубедительность таких суждений. Неудача многовековых попыток постепенного, «практического» осуществления мер по укреплению феодальной собственности на землю и труд непосредственного производителя диктовала потребность резких, кардинальных изменений, в которых активная роль отводилась государству. Отсюда акт прикрепления крестьян к земле мог быть лишь актом юридическим.

Подчеркнем, что объективная необходимость существования в России сильной общественной организации крестьян стала серьезнейшим субъективным стимулом углубления и развития крепостничества на протяжении последующих столетий.

История СССР. 1985. № 3. С. 178-201.

Статья опубликована в: Милов Л.В. По следам ушедших эпох: статьи и заметки.– М.: Наука, 2006. – С. 500-538.

Сканирование и обработка: Вадим Плотников.

Все права на материалы сайта принадлежат редакции журнала «Скепсис». Копирование публикаций приветствуется при наличии гиперссылки на sceptsis.ru и гиперссылки на [страницу заимствуемой публикации](#); коммерческое использование возможно только после согласования с [редакцией](#) . Наш e-mail: journal@sceptsis.ru

1

Мы здесь не останавливаемся на других факторах, обуславливавших широкую кооперацию крестьянских хозяйств даже в условиях полной автономизации парцелльного хозяйства, таких, как строительство дорог и мостов и уход за ними, создание на основе совместной эксплуатации ряда угодий различного рода страховых и общественных фондов, строительство и содержание культовых зданий и т.п.

[\(обратно\)](#)

2

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 496.

[\(обратно\)](#)

3

Там же. Т. 21. С. 164-165.

[\(обратно\)](#)

4

Рыбаков Б,А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 92-107.

[\(обратно\)](#)

5

Термин «люди» в Древней Руси в одном из своих значений был синонимом термина «государство». Отсюда «полюдь» может быть раскрыто как поездка по государству с государственными делами.

[\(обратно\)](#)

6

Маркс К., и Энгельс Ф. Соч. Т. 25, Ч. II. С. 352-358.

[\(обратно\)](#)

7

Там же.

[\(обратно\)](#)

8

Господство натуральной ренты в ее наиболее чистом виде К. Маркс относил, в частности, лишь к феодальным обществам с наиболее застойным характером экономики (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 359-360).

[\(обратно\)](#)

9

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 74.

[\(обратно\)](#)

10

Там же. Т. 21. С. 153.

[\(обратно\)](#)

11

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв. (далее -АФЗХ). М., 1959. Ч. I. № 122.

[\(обратно\)](#)

12

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 354.

[\(обратно\)](#)

13

Там же.

[\(обратно\)](#)

14

Там же. С. 353.

[\(обратно\)](#)

15

В этой связи надо отметить, что данные аспекты проблемы мало исследовались. Основное внимание историки уделяют борьбе господствующего класса и государства с так называемой черной общиной, оценка которой в разных работах различна. Одни историки (Л.В. Черепнин, А.Д. Горский, СМ. Каштанов и др.) считают черные волости XIV-XV вв. феодально зависимыми от государства, другие — свободными от феодальной эксплуатации (И.И. Смирнов, Г.Е. Кочин, А.И. Копанев, Ю.Г. Алексеев и др.).

Частновладельческая община до сих пор мало изучена. Можно указать такие работы: Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII -начало XVI в. М.; Л., 1965; Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966; Данилова Л.В. О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации. М., 1982. Некоторые исследователи считают, например, что мирская община сохранялась лишь в крупных феодальных владениях, «в мелких же она вовсе исчезла» (Шапиро АЛ. Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков // Ежегодник по аграрной истории. Вып. VI. Проблемы истории русской общины. Вологда, 1976. С. 39).

[\(обратно\)](#)

16

Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV-XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 49, 38, 103-107, 108, 111, 112, 116, 120-121, 128-130 и др.

[\(обратно\)](#)

17

Там же. С. 103, 116, 120-121, 128-130, 144, 162-163. Б.А Романов, считая, что размер поселения зависел от уровня развития производительных сил, ввел даже особый термин «вместимость поселения», означающий крайний предел рационального размера деревни и т.п. См.: Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (По поводу работ Н.Н. Воронина и СБ. Веселовского) // Вопросы экономики и клав»! совых отношений в Русском государстве XII-XVII веков. М.; Л., 1960. С. 440.

[\(обратно\)](#)

18

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 497-498.

[\(обратно\)](#)

19

Там же. Т. 35. С. 112-113.

[\(обратно\)](#)

20

Греков БД. Крестьяне на Руси. Изд. 2. М., 1954. Т. II. С. 95.

[\(обратно\)](#)

21

Там же.

[\(обратно\)](#)

22

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 211.

[\(обратно\)](#)

23

Там же. С 247.

[\(обратно\)](#)

24

Кочин Г.Е. Указ. соч. С. 416. О том, что «старожилец» - термин чисто житейский, писал еще В. Сергеевич в «Древностях русского права» (Т. III СПб., 1903. С. 461).

[\(обратно\)](#)

25

Фроянов И.Я. Старожильцы на Руси XV в. // Вести. ЛГУ. История. Яз., і Лит. 1981. № 2, вып. 1. С. 21-22.

[\(обратно\)](#)

26

В более поздней работе Л.В. Черепнин отстаивал эти взгляды. См.: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика (далее - Черепнин Л.В. Спорные вопросы). М., 1972. С. 231.

[\(обратно\)](#)

27

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. (далее - АСЭИ). Т. I. М., 1952. № 224, 243; Т. II. М., 1958. № 152, 452; Т. III. М., 1964. № 34, 239, 296; АФЗХ. Ч. I. № 145, 198.

[\(обратно\)](#)

28

Черепнин Л.В. Спорные вопросы. С 246.

[\(обратно\)](#)

29

В этой связи необходимо заметить, что Г.Е. Кочин не прав, подчеркивая, что «нет оснований... усматривать резкую грань в правах и социальном положении между пришлыми и старожильцами» {Кочин Г.Е. Указ. соч. С. 406}. Льгота - это отражение правового положения.

[\(обратно\)](#)

30

Акты писцового дела. Т. I. М., 1913. С. 119, 186. Термин «со стороны» идентичен термину «иное княжение», поскольку в рязанских грамотах вместо «иное княжение» фигурирует «с иных сторон» (АСЭИ. Т. III. № 333, 354).

[\(обратно\)](#)

31

АСЭИ. Т. III. № 158.

[\(обратно\)](#)

32

Там же. № 164. См. также № 165.

[\(обратно\)](#)

33

Там же. Т. II. № 293.

[\(обратно\)](#)

34

Там же. Т. I. № 224.

[\(обратно\)](#)

35

Можно высказать предположение, что теми же мотивами отчасти была продиктована и практика раздачи в вотчины вообще пустых, неосвоенных земель. Здесь названные задачи совпадали с внутренней колонизацией.

[\(обратно\)](#)

36

Фроянов ИЛ. Указ. соч. С. 24.

[\(обратно\)](#)

37

Договоры Великого Новгорода косвенно отразили развивавшиеся крестьянские переходы, начиная с XIII столетия. (См.: Фроянов И.Я. О возникновении крестьянских переходов в России // Вестн. ЛГУ. Истор. яз. Лит. 1978. № 14, вып. 3. С. 32-33; См. также: Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 251.)

[\(обратно\)](#)

38

Черепнин Л.В. Спорные вопросы. С. 243-244.

[\(обратно\)](#)

39

Смирнов И.И. Проблемы крестьянства и феодализма в советской исторической литературе // 25 лет исторической науки в СССР. М., 1942. С 102. См. также: Смирнов И.И. Заметки о феодальной Руси XIV-XV вв. (По поводу исследования Л.В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв.») // История СССР. 1962. № 3. С. 148.

[\(обратно\)](#)

40

Фроянов И.Я. О возникновении крестьянских переходов в России. С. 34.

[\(обратно\)](#)

41

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 252. В связи с этим подходом ученого его концепция влияния процесса централизации государства на размах крестьянских переходов выглядит несколько прямолинейно и упрощенно («С объединением русских земель и образованием централизованного государства таких «иных княжений» оставалось все меньше. Так подготавливалось стеснение права перехода крестьян в масштабе всего государства» // Там же).

[\(обратно\)](#)

42

АСЭИ. Т. II. № 158.

[\(обратно\)](#)

43

Там же. Т. III. № 361, 362, 369, 388, 389.

[\(обратно\)](#)

44

Там же. Т. П. № 199. Вероятнее всего, в эту эпоху так называемые верные и княжеские (дворцовые) волости были еще слабо отличимы друг от друга.

[\(обратно\)](#)

45

В литературе это упорядочивание расценивается, как правило, в русле мер, генетически связанных с крепостничеством.

[\(обратно\)](#)

46

Греков БД. Крестьяне на Руси. Т. П. С. 47-53.

[\(обратно\)](#)

47

Пьянков А.П. Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV- XV веках // Учен. зап. Могилев, гос. пед. ин-та. Вып. 1. Минск, 1955. С. 3-30; Горский АД. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. М., 1960. С. 234-243; ЧерепнинЛ.В. Образование Русского централизованного государства. С. 227-232.

[\(обратно\)](#)

48

Кочин Г.Е. Указ. соч. С. 349-355.

[\(обратно\)](#)

49

Там же. С. 313, 352-353.

[\(обратно\)](#)

50

См.: ЧерепнинЛ.В. Спорные вопросы. С. 239-240.

[\(обратно\)](#)

51

АФЗХ. Ч. I. № 21. Мнение Г.Е. Кочина об отражении в грамоте 1391 г. практики жеребьевой или десятинной пашни было поддержано и развито Л.В. Даниловой (см.: Данилова Л.В. Указ. соч. С. 15).

[\(обратно\)](#)

52

Цит. по: Греков БД. Крестьяне на Руси. Т. II. С. 52. В архаичной символике «во имя бога» можно видеть и подтверждение мысли Л.В. Даниловой о том, что княжеская «десятинная пашня этого времени непосредственно выростала из коллективных работ, практикуемых на общественных полях черной волости» (см.: Данилова Л.В. Указ. соч. С. 15).

[\(обратно\)](#)

53

Эти остатки архаичных порядков в барщинной эксплуатации крестьян во второй половине XVI в., видимо, были еще нередки. Судя по уставной грамоте Новинскому монастырю 1590 г., для дальних монастырских сел была характерна именно запашка господского клина «згоном» (АФЗХ. Ч. II. № 23).

[\(обратно\)](#)

54

Кочин Г.Е. Указ. соч. С. 337-338. На это сопоставление ученого обратила внимание и Л.В. Данилова. (См.: Данилова Л.В. Указ. соч. С. 16-17).

[\(обратно\)](#)

55

АСЭИ. Т. I. № 534, 564, 586, 590, 591, 594 и др.

[\(обратно\)](#)

56

Там же. № 400.

[\(обратно\)](#)

57

Там же. № 576.

[\(обратно\)](#)

58

Там же. № 328, 576; Т. II, № Щ 349; ДДГ. М.;Л., 1950. № 87; АФЗХ. Ч. I. № 40, 54, 166.

[\(обратно\)](#)

59

АФЗХ. Ч. II. № 178.

[\(обратно\)](#)

60

Самоквасов Д.Я. Архивный материал. М., 1905. Т. 1. Ч. 2. С. 12. В.И. Корецкий приводит данные о формуляре по крайней мере пяти послушных грамот 50-х годов XVI в. по центру страны, где четко выделена указанная нами особенность («И мы б крестьяне... пашню его пахали, где себе учинит по сей грамоте»). См.: Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в, М., 1970. С. 23.

[\(обратно\)](#)

61

Цит. по: Греков БД. Крестьяне на Руси. Т. II. С. 52.

[\(обратно\)](#)

62

АФЗХ. Ч. II. № 24.

[\(обратно\)](#)

63

Думается, что немногочисленность таких фактов мотивирована лишь ограничением возможности роста холопского контингента.

[\(обратно\)](#)

64

АСЭИ. Т. III. № 114 и др.

[\(обратно\)](#)

65

Там же. Т. II. № 328.

[\(обратно\)](#)

66

См.: Греков БД. Крестьяне на Руси. Т. II. С. 141-142.

[\(обратно\)](#)

67

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 233. См.: ГВНП. № 164.

[\(обратно\)](#)

68

Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV - начало XVI в. Л., 1971. С. 202.

[\(обратно\)](#)

69

АСЭИ. Т. I. № 584. См. также: Кочин Г.Е. Указ. соч. С. 336.

[\(обратно\)](#)

70

Мы не касаемся той категории половников, которая бытовала в среде черносозного крестьянства XVI-XVII вв. Это вопрос особый. (См.: Греков БД. Крестьяне на Руси. Т. II. С. 137-147).

[\(обратно\)](#)

71

Историографию половничества см.: Шапиро АЛ. Историография половничества // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7. Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы историографии). Л., 1983.

[\(обратно\)](#)

72

Правда, в новгородской грамоте первой половины XV в. на «черный бор» отмечено налоговое послабление половнику, сидящему на наделе («...в соху два коня да третье припряж... Плуг да две сохи... четыре пешцы за соху... а кто сидит на исполовьи, на том взяти за полсохи». См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 32). Однако, вероятнее всего, такая практика была временным явлением, и размер налоговых послаблений мог уменьшаться или они могли вообще отсутствовать. Л.В. Черепнин привел ряд примеров несения монастырскими половниками государственных повинностей и налогов. См.: Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 235.

[\(обратно\)](#)

73

АСЭИ. Т. III. № 28. Л.В. Черепнин согласен с тем, что в данной духовной имеется в виду под половниками и третниками «основное вотчинное крестьянство», уплачивающее зерновой доход «исполовья» и «истрети» (См.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы. С. 237).

[\(обратно\)](#)

74

Аграрная история Северо-Западной России. Т. I. С. 141, 158, 277 и др.

[\(обратно\)](#)

75

Смирнов И.И. Заметки о феодальной Руси XIV-XV вв. С. 152.

[\(обратно\)](#)

76

Там же. С. 153.

[\(обратно\)](#)

77

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 245; Он же. Спорные вопросы. С. 235-236, 241.

[\(обратно\)](#)

78

Кочин Г.Е. Указ. соч. С. 358-359.

[\(обратно\)](#)

79

См.: АФЗХ. Ч. I. № 125, 192; АСЭИ. Т. I. № 70, 90, 100, 108, 130, 155, 175, 181, 342, 448, 501, 513, 536, 539, 612; Т. II. № 29, 44, 99, 153-а, 361; Т. III. № 28, 53, 59 и др.; ДДГ. № 68, 74, 86 и др.

[\(обратно\)](#)

80

АСЭИ. Т. II. № 192, 193.

[\(обратно\)](#)

81

Там же. Т. III. № 53; Т. I. № 562.

[\(обратно\)](#)

82

Там же. Т. I. № 90, 108; Т. II. № 153-а, 361; ДДГ. № 68, 74; СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 122.

[\(обратно\)](#)

83

С.Б. Веселовский считал «издельное серебро» очень древним и распространенным явлением. См.: Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 16-17.

[\(обратно\)](#)

84

АСЭИ. Т. II. № 490.

[\(обратно\)](#)

85

В наиболее ранний период комплекс барщинных работ крестьян на «жеребьевой» господской пашне чаще назывался «дело», а не «изделье» («села делати», «землю делати», «монастырское дело делати»), и только в последующем они начинают сливаться и выступают как синонимы.

[\(обратно\)](#)

86

АФЗХ. Ч. II. № 319, 254.

[\(обратно\)](#)

87

АСЭИ. Т. III. № 368.

[\(обратно\)](#)

88

Там же. № 465; Т. II. № 261.

[\(обратно\)](#)

89

АФЗХ. Ч. I. № 125.

[\(обратно\)](#)

90

Русская историческая библиотека (далее - РИБ). Т. VI. Стр. 887-888. И.И. Смирнов считает этот текст наиболее важным свидетельством существования «пашни на серебро» (Смирнов И.И. Заметки о феодальной Руси XIV-XV вв. С. 158). В споре с И.И. Смирновым по поводу этого фрагмента уставной грамоты Л.В. Черепнин трактует конец фразы «или на серебро монастырское пашуть» как выражение способа получения денежной ренты, что источниковедчески слишком произвольно (См.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы. С. 241). Тут же Л.В. Черепнин высказывает общее свое сомнение в возможности существования «пашни на серебро», впрочем, никак не аргументируя это сомнение (Там же. С. 241).

[\(обратно\)](#)

91

С.Б. Веселовский писал об этих указах, что они «должны были изменить юридическую природу «издельного» серебреничества в смысле лишения должника права ликвидировать свои отношения во всякое время года» (Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 17).

[\(обратно\)](#)

92

Там же.

[\(обратно\)](#)

93

Там же.

[\(обратно\)](#)

94

Генезис ее очень древний. Здесь можно вспомнить хотя бы заупов Русской Правды.

[\(обратно\)](#)

95

См.: История СССР. 1962. № 3. С. 153.

[\(обратно\)](#)

96

АСЭИ. Т. II. № 192. См. также: Черепнин Л.В. Спорные вопросы. С. 234. Видимо, довольно близки к посаженным серебряникам «окупленные люди». В жалованной льготной и несудимой грамоте верейского и белозерского князя Михаила Андреевича 1472 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на пустоши на р. Ирдме о них говорится: «И кого к себе игумен... призовет на те пустоши людей жити из иных княженей... или кого окупив посадит, и тем людем окупленным и пришлым не надобе моя дань на 5 лет» (АСЭИ. Т. II. № 218; см. также: ГВНП. М.; Л., 1949. № 294.) По истечении льготного периода такие крестьяне оказываются в неизмеримо большей зависимости от феодала, чем «рядовые люди». Напомним, что Л.В. Черепнин и И.И. Смирнов, соглашаясь в основном («окупленные люди» это крестьяне, долги которых другим феодалам были выкуплены землевладельцем, посадившим их на свою землю), расходились между собой в деталях по поводу понимания статуса «окупленных людей». (См.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы. С. 233.)

[\(обратно\)](#)

97

АСЭИ. Т. I. № 513, 536; Т. III. № 350, 355. См. также: № 370, 378, 379, 380, 380-384, 366 и др. В новгородских землях ростовой процент был, видимо, ниже. В писцовых книгах конца XV в. есть формулы: «А росту на рубль одна гривна и 2 денги» (НПК. СПб., 1868. Т. III. С. 601, 803; Т. IV. 1885. С. 160; Т. V. 1905. С. 37, 47, 50, 51-52, 57-58 и др.). Правда, Г.Е. Кочин считает, что данный размер процента был установлен писцами (См.: Копии Г.Е. Указ. соч. С. 363), т.е. не отражает обычной практики.

[\(обратно\)](#)

98

АФЗХ. Ч. I. № 205. См. также: Корецкий В.И. Закрепощение крестьян, С. 19, 25, 26; АФЗХ. Ч. II. № 178; Акты писцового дела. Т. I. М., 1913, С. 4; Греков БД. Крестьяне на Руси. Т. II. С. 52; Известия Русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1909. С. 292-307.

[\(обратно\)](#)

99

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства С. 250.

[\(обратно\)](#)

100

АСЭИ. Т. II. № 359; см. также: АФЗХ. Ч. I. № 210 (1464 г.), 212 (1474 г.)

[\(обратно\)](#)

101

Там же. Т. I. № 264, 265.

[\(обратно\)](#)

102

Там же. Т. II. № 177, 276, 326 и др.

[\(обратно\)](#)

103

Там же. № 101, 138, 193.

[\(обратно\)](#)

104

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 23.

[\(обратно\)](#)

105

Там же. Т. 21. С. 248-249.

[\(обратно\)](#)

106

Милов Л.В., Гарскова И.М., Булгаков М.Б. Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России 1-й половины XVII в. и проблемы типологии феодального хозяйства (Многомерный анализ писцовых книг) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.

[\(обратно\)](#)

107

Из наиболее поздних работ по этой проблеме см.: Данилова Л.В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965 г. М., 1970; Шапиро Л.Л. О причинах закрепощения в России XVI в. // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1972. С. 130-135; Корецкий В.И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 7-8; Аграрная история Северо-Запада России. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / Рук. авт. коллектива. А.Л. Шапиро. Л., 1978. С. 184—199 (здесь же см. историографии проблемы); и др.

[\(обратно\)](#)

108

Это положение было сформулировано нами в статье: Милов Л.В. Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII-XVIII вв. (Некоторые проблемы теории) // Вопр. истории. 1981. № 3. С. 50.

[\(обратно\)](#)

Оглавление

- [О причинах возникновения крепостничества в России](#)

Взято из Либрусек, lib.rus.ec